

Предисловие

К середине I в. до н. э. Римская Республика достигла пика своего военного могущества. Казалось, что во всей ойкумене нет такой силы, которая была бы способна противостоять организованной мощи легионов. Самые дикие и воинственные западные племена были вынуждены признать свое бессилие, отступить, сложить оружие и умолять победителя о мире: галлы были покорены, британцы разбиты, германцы отброшены за Рейн и загнаны в леса. Риму еще предстояли годы тяжелейших военных кампаний, которые будут стоить ему немалой крови, но в течение полувека никто не сможет обозначить пределы его захватнических устремлений в Европе.

По-иному развивалась ситуация на Востоке, манившем завоевателей своими немыслимыми богатствами и сулившем победы куда более легкие, а славу куда большую, чем походы против западных варваров. Разрушив и подчинив себе эллинистические царства,

давно истощившие силы в вековой борьбе за наследие Александра, римляне вышли к берегу Евфрата, за которым простирались владения парфян — последнее препятствие, отделявшее их от чудес Индии.

Вряд ли у Марка Лициния Красса, решившего стяжать лавры победителя парфян, было какое-либо представление об их стране или военных обычаях: отношения, имевшие место ранее между римлянами и Аршакидами¹, должны были породить в его голове идею о государстве, существенно не отличавшемся от восточно-эллинистических монархий, с которыми Рим имел дела прежде. По крайней мере, нет никаких указаний на то, что Сулла или Помпей усмотрели в Парфянской державе опасность большую, чем в митридатовском Понте или Армении.

Между тем структура и организация парфянских вооруженных сил имели свои специфические особенности и заметно отличались от тех армий, с которыми римлянам уже приходилось сталкиваться на Востоке. Будучи воплощением государства, имевшего феодальную структуру, аршакидское войско полагалось почти исключительно на эффективность своей великолепной конницы, в то время как парфянская пехота была немногочисленной и состояла главным образом

¹ Аршакиды (Арсакиды) — династия парфянских царей.

из лучников; набиралась она среди малоимущих слоев населения; пехотинцы играли роль обозной прислуги, участвовали в инженерно-строительных работах при проведении осад и были незаменимы во время боевых действий в горах.

Тяжелую парфянскую кавалерию образовывали отряды закованных в панцири всадников — *катафрактов*, которые собирали под своими знаменами высшую аристократию царства. Дополнительные контингенты катафрактов парфянские цари получали от союзников и вассалов, прежде всего царей Армении.

Катафракты были полностью покрыты броней². Основным видом их доспеха был панцирь, изготавливавшийся из пластинок или чешуек, пришитых на кожаную основу. По той же технологии делались попоны (или нагрудники), защищавшие их коней³.

² Поскольку в парфянском государстве отсутствовали какие-либо централизованные требования к паноплии всадников, то выбор вооружения в действительности почти полностью определялся предпочтениями отдельных бойцов, поэтому варьировались как тип использовавшегося защитного вооружения, так и материал, из которого оно изготавливалось (судя по археологическим данным, это могли быть бронза или железо, а для некоторых элементов даже кость или дерево).

³ Iust., Hist., XLI, 2, 10; Plut., Crass., 24.

Наступательное вооружение катафракта состояло из массивного двуручного копья (длина которого, насколько мы можем судить на основании иконографических свидетельств, была около 4 м)⁴ и тяжелого меча, подвешенного на поясном ремне (Heliod., Aethiop., IX, 15); кроме того, всадник мог иметь секиру или булаву и, возможно, лук.

Катафракты, как правило, не пользовались щитами, поскольку их доспехи были настолько прочными, что делали практически бесполезным этот элемент защитного снаряжения.

Для того чтобы всадники в подобном вооружении могли свободно передвигаться по полю боя, им нужны были кони исключительной силы и размера, которые, очевидно, были достаточно редки и очень ценились. Поэтому представляется вероятным, что катафракты сражались главным образом на знаменитых конях, которых разводили на Нисейской равнине в Мидии⁵.

⁴ Для обозначения такого копья обычно используется греческий термин *κοντός* (*контос*, *конт*).

⁵ Точно неизвестно, что это были за кони. Очевидно, они отличались большими размерами, поскольку Филострат использует в качестве примера именно эту породу, чтобы наглядно показать, каково было различие между двумя видами слонов: «Насколько ливийский слон больше нисейского жеребца, настолько же индийские слоны больше

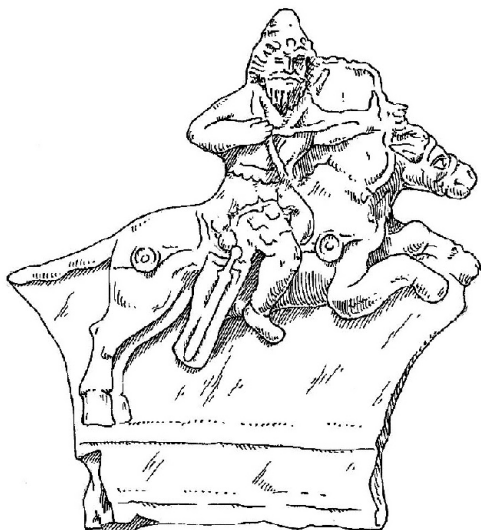

Парфянский катафrakt.

Воспроизведено по: *Barker Ph. The Armies and Enemies of Imperial Rome. Organization, tactics, dress and weapons, 150 B. C. to 600 A. D. A Wargames Research Group Publication, 1972. P. 118*

Во время атаки катафракты двигались плотной массой, почти касаясь один другого локтем. Держа копье обеими руками (левая находилась ближе к наконечнику, правая — ближе к заднему концу древка), катафrakt

ливийских» (Philostrat., V., Apol., II, 12; пер. Е. Г. Рабинович; ср. Herodot., Hist., III, 106; VII, 40).

Парфянский конный лучник; терракотовая статуэтка.
Лондон, Британский музей.
Прорисовка И. В. Кирсанова

бил им по диагонали, влево от направления движения своего коня. Предполагается, что седло с высокими луками и жестким каркасом позволяло всаднику даже при отсутствии стремян прочно держаться на лошади во время нанесения удара. Учитывая тяжесть вооружения людей и коней, натиск этой бронированной массы представлялся неотразимым и сокрушительным. Как утверждает Плутарх (Plut., Crass., 27), парфянские катафракты при Каррах с одного удара пробивали своими тяжелыми копьями сразу двух человек (ср. Heliod., Aethiop., IX, 15).

Но даже великолепные нисейские кони были неспособны под тяжестью собственного вооружения и закованных в броню седоков выдержать марш-бросок более чем на 500 м. Таким образом, использовать этот вид войска можно было, по существу, только на равнине, а их автономия ограничивалась единственной короткой и стремительной атакой, в конце которой лошадям было необходимо дать перевести дух. Именно это обстоятельство имеет в виду Юстин, когда пишет о парфянах: «Долго сражаться они не могут; поистине, они были бы неодолимы, если бы их стойкость была такой же, как сила их натиска»⁶.

Другой, гораздо более многочисленной частью парфянской армии были отряды конных лучников — *гиппотоксотов*, состоявших из представителей менее крупной знати.

Аршакидские гиппотоксоты обычно не носили доспехов. Их основным оружием был мощный композитный лук, который вел свое происхождение от луков кочевников Центральной Азии. Для ношения лука и стрел парфяне использовали скифский *горит*, представлявший собой колчан, совмещенный с налучьем (*саадаком*). Ни щитов, ни каких-либо других элементов защитного снаряжения у гиппотоксотов, по-видимому, не было.

⁶ Iust., Hist., XLI, 2, 8; здесь и далее пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского под ред. М. Е. Грабарь-Пассек; ср. Plut., Crass., 18.

Искуснейшие стрелки, парфяне были также превосходными наездниками, способными как проводить быстрые атаки, так и выполнять вокруг врага повторяющиеся карусели. При необходимости они могли имитировать отступление в надежде заставить неприятеля нарушить свой боевой порядок и броситься за ними в преследование. Если это удавалось, то, отходя, всадники посылали стрелы назад в скачущих за ними врагов. «Сражаются они на конях, — пишет Юстин, — то направляя их прямо на противника, то поворачивая назад; часто они даже как будто обращаются в бегство, так как при этом преследующие обычно становятся менее осторожны и их легче ранить»⁷. В этом приеме парфяне были непревзойденными специалистами — недаром словосочетание «парфянская стрела» стало нарицательным и вошло в поговорку.

Известно, что в парфянских войсках существовали также подразделения всадников на верблюдах⁸. Значительную часть их образовывали, вероятно, контингенты, отправляемые Аршакидам союзными народами, прежде всего арабами.

⁷ Iust., Hist., XLI, 2, 7.

⁸ В армии парфянского царя Артабана V (216–224 гг.) всадники на верблюдах действовали наравне с тяжеловооруженной кавалерией (Hrdn., Hist., IV, 14, 3).

Арабский воин на верблюде. Рис. И. В. Кирсанова

Парфянская тактика ведения боя представляла собой классический вариант тактики кочевников. Это объяснялось как кочевым происхождением основателей Парфянской державы, так и постоянным влиянием, которое оказывала на Парфию степная периферия. Многие парфяне позаимствовали у североиранских племен саков и массагетов. Легковооруженные конные лучники, а также всадники на верблюдах (если таковые имелись), приближаясь к врагу, осыпали его

тучей стрел⁹. За ними шагом или мелкой рысью следовали панцирные всадники; как только они подходили на установленную дистанцию, стрелки расступались и катафракты бросались в атаку, исход которой определялся целым рядом факторов: природой места, количеством и обученностью соперников, моральным состоянием войск обеих сторон, харизмой и умением командующих.

В I в. до н. э. парфянским армиям почти несомненно приходилось порой сталкиваться с пешими противниками. Эти последние, однако, определенно не были тяжелой пехотой, характерной для средиземноморских государств, прекрасно экипированной и защищенной однотипным вооружением; напротив, более вероятным представляется, что парфяне обычно вели борьбу даже не с войсками в полном смысле слова (немыслимыми внутри этого мира без поддержки кавалерии), но с разнородными ордами мигрантов, ищущих земель для поселения, иногда — с бандами мятежных рабов.

Против подобных сил, иногда весьма многочисленных, но всегда плохо вооруженных, нужно было придерживаться тактики, в общем подобной той, которая потом часто использовалась средневековой феодальной кавалерией против восставших крестьян: парфяне старались заставить неприятеля стол-

⁹ Hrdn., Hist., IV, 15, 2; 3; 5.

питься одной компактной массой¹⁰, которая давала возможность действовать с наибольшей эффективностью как лучникам, каждая стрела которых достигала цели, так и катафрактам, чей стремительный бросок неизменно приводил к беспощадному избиению врагов. В том случае, когда боевой порядок последних был очень глубоким, панцирные всадники не могли просто опрокинуть его одним напором атаки, но благодаря мощному толчку они разбивали первые шеренги и проникали в сердцевину построения. Здесь, если ломались копья, они брались за мечи, секиры и булавы и учиняли беспощадную резню без всякого риска для себя, ведь те, с кем они сражались, вряд ли имели оружие, способное представлять серьезную угрозу для полностью закованного в броню бойца.

Сила парфян, таким образом, основывалась на четырех составляющих: ударной мощи катафрактов, стрелковом искусстве гиппотоксотов, мобильности последних, а также мобильности всей армии по сравнению

¹⁰ Вероятно, для этого использовались отряды конных лучников, которые, применяя тактику карусели, подобно пастушеским собакам, принуждали неприятеля скучиваться в инстинктивном поиске прикрытия и способствовали таким образом неотразимой и смертоносной атаке панцирных всадников.

с противником, опиравшимся в основном на пехоту. Если парфяне действовали на привычной для них территории, удобной для кавалерийских маневров, то их тактическое превосходство представлялось практически абсолютным. Эта тактика, которую они, как казалось, могли применять до бесконечности, позволила им в начале июня 53 г. до н. э. измотать и совершенно разгромить римские войска при Каррах.

Впрочем, этот ошеломляющий успех был не только результатом их искусных действий на поле боя, но и следствием недостатков командования Красса, которые проявились уже на стадии подготовки кампании, когда, проигнорировав как сообщения беглецов и дезертиров об эффективности парфянских армий, так и призывы своих офицеров пересмотреть планы вторжения в Месопотамию, римский полководец пренебрег подготовкой солдат и повел в поход войска, составленные в значительной степени из новобранцев. Не имея точной информации о возможностях противника, Красс постарался навязать ему столкновение в традиционной для римлян манере, доверившись испытанной тактике, которая вплоть до того всегда показывала себя эффективной и надежной. Однако при Каррах она оказалась не только бесполезной, но и губительной. Римской пехоте так и не удалось вступить в непосредственное столкновение с парфянами, и, почти не

имея возможности атаковать, она оказалась вынужденной истекать кровью, стоя под непрерывным смертоносным ливнем стрел, который обрушили на нее великолепные парфянские лучники¹¹. Перед лицом неуловимого врага, срывавшего любую тактическую инициативу¹², стало очевидно трагическое бессилие римской армии: неопытные солдаты Красса потерялись, уступая пронизывавшим их ужасу и смятению.

¹¹ Римская армия долгое время оставалась пассивной, ожидая, когда враг израсходует запасы стрел. Однако эти надежды оказались напрасными, потому что позади парфянских лучников стояла длинная вереница верблюдов, нагруженных мешками со стрелами.

¹² Чтобы отвлечь парфян и перестроить войска, Красс послал в атаку сына, своего легата, во главе многочисленного отряда кавалерии, лучников и вспомогательных пехотинцев. Этот маневр удался, но римская армия и ее командующий заплатили за него высокую цену. Жаждавший вступить в схватку с врагом, сын Красса бросился преследовать парфянских гиппотоксотов, которые, отступая, вывели римлян на катафрактов. Атакованные с фронта панцирными всадниками и расстрелянные с флангов лучниками, римляне понесли большие потери и вынуждены были сначала спастись бегством, а затем вступить в последний бой на небольшом песчаном холме. Сын Красса, будучи тяжело ранен в этой схватке, приказал оруженосцу умертвить его.

Для парфян, наоборот, обстоятельства сложились самым благоприятным образом. Они сражались в удобной для действий кавалерии местности, имея перед собой армию, намного уступавшую им в плане мобильности, состоявшую из рекрутов, мало сплоченных и плохо дисциплинированных, ведомую полководцем старым и не очень ярким, который видел врага впервые и не принял никаких мер для того, чтобы навязать ему собственный сценарий боя. Сурена — так называют источники парфянского предводителя — напротив, проявил качества талантливого военачальника: осознав, что вражеские боевые порядки, появившиеся на равнине, совершенно отличаются от тех пеших толп, которые аршакидская знать привыкла уничтожать без всякого риска для себя, он изменил обычно применявшуюся в подобных случаях тактику и оставил катафрактов в резерве, терпеливо ожидая, когда гиппотоксоты окончательно измотают врага. Если бы Сурена бросил панцирных всадников в атаку на стоящие плотным строем легионы, то, возможно, им удалось бы опрокинуть одну или несколько первых шеренг, однако затем их кони поневоле должны были бы остановиться из-за того, что у них не было никакой возможности перевести дыхание, и это обрекло бы их седоков на верную гибель: окруженные неприятелями, более подвижными и более многочисленными, чем они, парфяне были

бы с легкостью перебиты все до последнего. Поэтому Сурена предпочел дожидаться того момента, когда римский строй утратит крепость и станет наиболее уязвим для удара его тяжелой кавалерии.

Из-за неизбежного морального краха своих войск, особенно потрясенных ходом битвы и вынужденной инерцией, на которую они оказались обречены и которая должна была порождать в них возрастающее чувство фрустрации, Красс, вероятно, попытался каким-либо образом проявить инициативу, отдав приказ нескольким когортам выдвинуться вперед и развернуться на равнине. Сурена тут же понял, что это был тот самый момент, которого он ждал, и бросил в бой катафрактов, которые смели, возможно, еще даже не построившегося противника просто одной силой натиска.

Это зрелище окончательно сломило дух римлян. Подавленная духовно, римская армия перестала существовать как организованная целостность еще прежде, чем утратила боеспособность. Возможно, первый раз в римской военной истории поражение было определено самым настоящим моральным крахом войск. Даже приход ночи с кратковременным перерывом парфянских атак не принес римлянам облегчения, и на следующий день армия, теоретически еще сохранявшая силы, несмотря на понесенные потери, буквально взорвалась выражением

неповиновения солдат и даже офицеров. Последние сначала дошли до того, что практически выдали врагу своего командующего, а потом начали отступление, не имея больших шансов на успех, так как были преследуемы кавалерийскими силами, бесконечно более многочисленными и мобильными, чем их собственные¹³.

Даже если не признавать за битвой при Каррах какого-либо эпохального значения, представляется очевидным, что это событие сигнализировало решительный поворот во внешней политике Рима, вынужденного изменить свое отношение к восточному соседу. Карры стали прежде всего идеологическим поражением римлян, поскольку после произошедшей катастрофы они должны были принять к сведению, что в мире существует неустранимая альтернатива их власти. На пути римской экспансии возник не только политический, но и мировоззренческий барьер: парфяне, объявив себя наследниками древней ахеменидской империи, открыто стремились отвоевать исторические владения своих предшественников, изгнав римлян из каждой территории, захваченной ими в Азии, а самое главное — Аршакиды культивировали претензии универсалистского характера, имевшие равный вес претензиям Вечного Города.

¹³ Plut., Crass., 23–33.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru